

«ЗЛОЙ» ОДИНОЧКА И «ДОБРОДУШНЫЙ» МИР В СТИХОТВОРЕНИИ Н.А. НЕКРАСОВА «ЧЕЛОВЕК ЛИШЬ В ОДИНОЧКУ...»

Чжан Юйтин

Аспирант, Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
yuting.mikhail@gmail.com

THE "EVIL" LONER AND THE "GOOD-NATURED" WORLD IN N.A. NEKRASOV'S POEM "A PERSON ONLY IN SOLITUDE..."

Zhang Yuting

Summary: This article analyzes N.A. Nekrasov's poem "A person only in solitude...". Moving beyond debates about its addressee, the study focuses on the antithesis between the rigorist loner and the indulgent collective ("the world"). This opposition is examined within the context of Nekrasov's late work and through parallels with his poem "Who Lives Well in Russia." The analysis reveals the text to be Nekrasov's meditation on the permissibility of compromise in public activity and on folk wisdom as the supreme moral arbiter.

Keywords: interpretation, N.A. Nekrasov, unpublished cycle, Nekrasov's lyric poetry, debate on the addressee, concept of morality, the poem "Who Lives Happily in Russia," Russian poetry of the 19th century.

Аннотация: Статья посвящена анализу стихотворения Н.А. Некрасова «Человек лишь в одиночку...». В ней предлагается отвлечься от споров о его адресате. Центральное место занимает противопоставление ригоричного «одиночки» и снисходительного коллектива («мира»). Эта антитеза раскрывается в контексте позднего творчества поэта, при этом проводятся параллели с поэмой «Кому на Руси жить хорошо». Исследование позволяет интерпретировать текст как рефлексию Некрасова о допустимости компромиссов в общественной деятельности и о народной мудрости как о высшем моральном арбитре.

Ключевые слова: интерпретация, Н.А. Некрасов, неопубликованный цикл, лирика Некрасова, спор об адресате, концепция нравственности, поэма «Кому на Руси жить хорошо», русская поэзия XIX в.

Стихотворение «Человек лишь в одиночку...» (1876), входившее в несостоявшиеся циклы 1876 и 1877 годов, и не опубликованное при жизни, является одним из наименее понятных произведений Некрасова, несмотря на две статьи, специально ему посвященных. Это связано с тем, что понимание стихотворения в этих статьях ставилось в тесную зависимость с разгадкой его адресата: в карандашном автографе посвящение состоит из крайне неразборчиво написанной скорее всего заглавной буквы и окончания «-ну» (то есть так: «<нрзб 1 буква> - ну»). Результат такого подхода оказался, на наш взгляд, совершенно неудовлетворительным.

Так исследователь Р.Б. Заборова, прочитав заглавную букву посвящения как «Д», предположила, что стихотворение обращено к Долгушину, знаменитому руководителю кружка «долгушинцев», призвавших интеллигенцию идти «в народ» в 1874 г., что позволило ей прочесть стихотворение как размышления Некрасова о хождении в народ, его смысле и последствиях, вызванное процессом над его вдохновителями и участниками: «Некрасов знал о процессе непосредственно от своих приятелей — адвокатов Е.И. Утина, В.Д. Спасовича, В.П. Гаевского. Поэт, который «со стороны блюстителей порядка... был вечно под судом», глубоко сочувствовал стремлению революционных народников помочь крестьянству и городским

социальным низам, но видел, что «хождение в народ», начатое долгушинцами в 1873—1875 годах, не увенчалось успехом. В начале января 1877 года, когда обнажилась несостоятельность этой тактики, был написан помещенный после «—ну» «Отрывок», являющийся откликом на готовящийся «процесс 50» [2, с. 129].

Во второй и наиболее поздней статье, посвященной интерпретации данного текста, ее автор А.М. Березкин прочел начальную букву посвящения как «О» и выдвинул гипотезу о том, что адресатом стихотворения является А.А. Ольхин, адвокат по образованию, общественный деятель, близкий к революционным кругам, не раз выступавший в качестве защитника на политических процессах (включая и процесс «долгушинцев»): «Таким образом, поэтически отображенное Некрасовым признание в тягостных последствиях «умышленного шага по неправому пути» было обращено, по-видимому, к Александру Александровичу Ольхину, в деятельности которого поэт, вероятно, хотел видеть приближение к близкому ему идеалу сопряжения поэтического воодушевления и самоотверженности борца с «ложью и злобой» [1, с. 38]. Как отмечается в комментариях к последнему Полному собранию стихотворений Н.А. Некрасова, биография Ольхина не дает никаких оснований для выраженных в стихотворении сомнений и предостережений.

Тем не менее несмотря на то, что содержание стихотворения трудно переносится на личность и биографию Ольхина, сама интерпретация некрасовского стихотворения у Березкина выглядит более адекватной его тексту («Он человек, избравший правый путь борьбы с «ложью и злобой», его речь способна увлечь и возвысить. Он отважен и прямодушен, смел и решителен. Но тем не менее он не восхваляется, а предостерегается. Речь идет об опасности нравственных компромиссов. Минутная слабость, минутное колебание могут быть восприняты как предательство и безжалостно осуждены, хотя «мнение народное» («мир») мудрее и справедливее, оно способно понять и простить. «Не умрет в тебе отвага...» [4, с. 176] — в 5-м стихе имеет в данном случае не утверждение будущего состояния как неперменного, как уверенного предсказания, а звучит, скорее, как пожелание, выступает в оптативном значении» [1, с. 38]). Однако и в этом случае желание как-то «привязать» содержание стихотворения к фигуре его гипотетического адресата приводит исследователя к досадным «просмотрам».

Не пытаясь противопоставить собственное чтение неразборчивого начала посвящения (оно может читаться и как «Д», и как «О», и как какая-то другая буква, например, «С»), мы предлагаем отвлечься от поиска адресата стихотворения и обратиться к его тексту самому по себе, соглашаясь с Березкиным, что в первую очередь оно обращено поэтом к самому себе, к собственным проблемам, волновавшим поэта незадолго до смерти. Поэтому рассмотреть его необходимо, в первую очередь, в контексте творчества поэта, в сопоставлении с другими его произведениями. При внимательном рассмотрении оказывается, что стихотворение выглядит довольно нетипичным и аналогичным высказываемым в нем идеям найти не очень просто.

Центральная мысль стихотворения именно та, которой и Заборова, и Березкин касаются «мимоходом»: человек только в одиночку «зол», склонен не прощать «ошибки», коллектив – «мир» – более снисходителен и может простить так сказать, одиночный проступок, не делая из него решающих выводов, обобщений, склонен не судить человека по одному проступку, но по совокупности («не всяко лыко в строчку» [4, с. 176]). Тема ошибок развивается во второй и третьей строфах: собственные шаги «по неправому пути» могут быть страшнее происков врагов. Однако они страшны только в том случае, если они «умышленные», таких шагов нужно бояться. Они могут привести к тому, что исчезнет мужество, гордость, искренность и жизнь. Человек станет мнительным и, в конце концов, потеряет веру в снисходительность человеческих сердец, то есть именно ту веру в снисходительность и мудрость «мира», которая позволяла ему действовать, не боясь случайных ошибок.

Стихотворение, в котором таким образом утверж-

дается право общественного деятеля на ошибку, на неверный шаг, если такой шаг делается неосознанно, без злого умысла и расчета, действительно, легко соотносится с проблемой, волновавшей Некрасова постоянно. Его легко поместить среди произведений в которых поэт осмыслял особенности своего жизненного пути, непростое соотношение между убеждениями (декларируемыми в некрасовской поэзии) и поступками (не раз становившимися предметом публичного и весьма неприятного для Некрасова обсуждения и осуждения [3, с. 129]), сопоставляя свои «неверные шаги», «неверные звуки» и общую направленность своей деятельности как литератора и журналиста (такие как «Уныние», «Зачем меня на части рвете...», «О муза! Я у двери гроба...» и другие).

В самом цикле таким образом это стихотворение оказывается ближе всего к стихотворению «М.Е. С<алтыко>ву» (декабрь 1876), где эта мысль выражена еще более прямо:

На путь, где шагу мы не ступим
Без сделок с совестью своей,
Но где мы снисхожденье купим
Трудом у мыслящих людей.

***

Трудом и бескорыстной целью...
Да! будем лучше рисковать,
Чем безопасному безделью
Остаток жизни отдавать [4, с. 114].

Однако если в посвященном другому «журналисту» стихотворении «сделки с совестью» находят снисхожденье «у мыслящих людей», в «Человеке лишь в одиночку...» ошибки, неумышленные «шаги по неверному пути» оправдываются «добродушным» (такой эпитет имелся в первоначальном варианте данной строки) «миром», противопоставленным «злому» «одиночке».

Это противопоставление, никогда в таком прямом виде не встречающееся больше у Некрасова, требует пояснения, «расшифровки». Противопоставляющиеся здесь два типа сознания, два типа морального, этического мышления (одно, которое строго относится к каждому поступку человека, делает на его основании выводы о его моральных качествах, другое – рассматривающее такой поступок в контексте всей его деятельности) несомненно соотнесены с разными социальными группами. Первый принадлежит образованной части нации, второй – народу (слово «мир» и поговорка, используемая для характеристики его взгляда на проблему, говорят об этом однозначно).

Именно для первых характерен «индивидуализм», ценность которого для Некрасова была несомненна: это не только приоритет интересов личности, но и сознание индивидуальной, персональной ответственности за

свои поступки. Это сознание, однако, приводит к тому, что такой человек и к другим людям применяет тот же критерий – возлагает ответственность, требует возмездия за каждый поступок. Это приводит к опасности утраты понимания коллективных интересов и общих ценностей и целей. Под угрозой такой утраты всегда находится образованная публика, парадоксальным образом за свойственным максимализмом, проявляющимся в мелочах, теряющая правильное направление. Так читатели, реагируя на печально известную «муравьевскую оду», требовали бойкота некрасовских изданий, дискредитировали все его творчество, тем самым фактически отказываясь от помощи в важном деле, игнорируя тот факт, что «Отечественные записки» он продолжает издавать в том же духе «Современника».

Противопоставленный «человеку», живущему и мыслящему «в одиночку» народный «мир» - очевидно обладает противоположным свойством. Понимание народа как «мира» - не просто как «массы» или «социального слоя» или «класса» - начинает появляться у Некрасова, видимо, с началом работы над поэмой «Кому на Руси жить хорошо». Уже в первой части появляется не просто образ толпы, но «сообщества», способного не только жаловаться на судьбу, но и обладающего правом морального суда. В поэме недаром доверен выбор счастливого именно мужикам, как очень точно писал еще Сакулин: «Начинается русская Одиссея: мужички производят генеральный смотр России, хотят доведаться, кто в ней счастлив и что нужно, чтобы всем жилось вольготно, весело...» [5, с. 63].

Важно, что и там «масса», с которой ведут беседу семеро мужиков, тоже выступает как взвешенный арбитр. Так мы видим не только историю с пьяным лакеем, которого мир наказывает за воровство. Народ имеет право суда и над лучшими своими представителями, такими, как Ермил Гирин. И в этом отношении народ демонстрирует именно ту «снисходительность человеческих сердец», в которую необходимо верить общественному деятелю. Наряду с поступками, характеризующими Ермила как безупречного рыцаря без страха и упрека, радетеля и заступника народа, приходится рассказчику вспомнить и ермилов «грех» - избавления своего брата от рекрутчины: вместо него он отправляет в солдаты сына беззащитной вдовы. Народ помнит об этом проступке, но и говорит о нем неохотно, и прощает Гирину не только в том смысле, что наказывает его исключительно по его собственной просьбе и максимально «легко», но и потому что продолжает высоко ценить его заслуги и его личность. Важно и то, что сам Ермил признает народный суд над собой как высшую инстанцию. Стоит обратить внимание и на то, что как «одиночка» Ермил осуждает себя более сурово, чем его судит народ. Он проявляет моральный ригоризм, который в данном случае существенно вредит

«общему делу»: Ермил отказывается быть бурмистром и уступает место человеку нечистоплотному. Он ведет себя под стать своим максималистски настроенным единомышленникам.

К тому времени, когда было написано стихотворение «Человек лишь в одиночку...», идея «мира» как разборчивого и снисходительного судьи человеческих проступков и ошибок была уже положена в основу последнего по времени написанного фрагмента «Кому на Руси жить хорошо» - «Пира на весь мир». И здесь мы видим и уважение к заступнику (Власу), которому не раз приходилось в должности бурмистра идти, несомненно, на компромиссы с совестью, и снисходительное отношение к человеку, явно совершившему немало «ошибок» (Клим), однако, в целом «миру» стремящемуся быть полезным. Как и в стихотворении «Человек лишь в одиночку...», мир безжалостно осуждает и наказывает только людей, сознательно вставших на путь предательства народных интересов (таких, как Егорка Шутов).

Такая «прагматическая» мораль видна уже в главе «Последыш» (из второй части «Кому на Руси жить хорошо»). Здесь мы видим, как строптивый Агап Петров вынужден смириться перед миром, умерить свою бунтарскую натуру, и сыграть в холопа: вахлакам очень хочется и очень полезно получить поемные луга. Противоречащие этой общей цели поступки, основанные на индивидуалистическом желании сохранить личную независимость, личную свободу, нравственном максимализме будет расценен как предательство общих интересов, интересов «мира». Одному беречь свое достоинство, отказываться играть холопа в то время, как все играют в холопов – преступление против «мира», которое завершится суровым наказанием («А всё Агап надумался: / Упрешься — мир осердится, / А мир дурак — дойма!» [4, с. 276]).

Этот призыв – не просто действовать, трудиться, не боясь ошибок, но и ставить интересы общие выше своих собственных, быть готовым поступаться собственным нравственным максимализмом ради «общего дела», будучи уверенным, что «мир», в чьих интересах были совершены компромиссы, простит (а не простит отказа от компромисса в интересах сохранения собственной нравственной «чистоты»), мог быть обращен ко многим соратникам Некрасова по журнальной работе, его единомышленникам и друзьям. Мог быть он обращен и к оппонентам, предъявлявшим максималистские требования к автору стихотворения на протяжении всей его жизни. Обнаружение конкретного адресата стихотворения «Человек лишь в одиночку...» (на какую бы букву ни начиналась его фамилия) стало бы ценным открытием биографического характера, однако вряд ли что-то прибавило к нашему пониманию его содержания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берёзкин А.М. Загадка адресата в стихотворении «-ну» («Человек лишь в одиночку...») // Некрасовский сборник. [Вып.] XV–XVI.
2. Заборова Р.Б. Об адресатах трех стихотворений Н.А. Некрасова // Русская литература. 1989. №4.
3. Макеев М.С. Николай Некрасов. М., 2017.
4. Некрасова Н.А. Полное собрание стихотворений: В 3 т. Т. 3. СПб., 2024.
5. Сакулин П.Н. Н.А. Некрасов. М., 1928.

© Чжан Юйтин (yuting.mikhail@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»